

Вэй Гэ наконец пришел в себя. Получив пинок, он невольно пробормотал:

— Приветствую Бессмертного Достопочтенного.

Вэй Чжюнь лишь молча смотрел на него. Тебе было велено просить прощения, зачем же ты сейчас кланяешься?

Вэй Гэ вздрогнул от холода. Его прежняя ярость, еще мгновение назад переполнявшая грудь, при виде этого человека бесследно испарилась. Он даже не мог связать двух слов, запинаясь на каждом шагу. Когда он бранился, то чувствовал себя вольготно, но, лишь встретившись с ним лицом к лицу, осознал, что такое ледяная мощь, подобная незыблемым горам.

Когда всепоглощающее давление обрушилось на плечи, Вэй Гэ согнулся в три погибели. Его ноги задрожали, а в глазах впервые отразился неподдельный ужас. Его нынешний вид резко контрастировал с тем, как он только что притеснял других, и это выглядело в какой-то мере иронично.

Чу Цзиньсяо нахмурился, наблюдая, как Вэй Гэ в оцепенении вжимается в землю, и его брови немного расслабились. Он помедлил, взглянул на бесстрастное лицо наставника и внезапно подумал: неужели Наставник решил проучить его ради меня?

Он слегка сжал пальцы и снова посмотрел на Нин Цзи. Тот едва заметно поджал губы и лишь мельком взглянул на Вэй Гэ. Лишь когда у того от напряжения начали кровоточить ноги, Нин Цзи медленно отвел Меч Ци.

Люди в соседней ложе, наблюдавшие за этой сценой, едва не рассмеялись от удовольствия.

— Этот мелкий управляющий привык притеснять слабых, вот и получил по заслугам, — довольно заметил У Ган.

Се Юйцин молча наблюдал за тем, как Нин Цзи выпускает Меч Ци, и слегка покачал головой.

— В этот раз он нарвался на железо.

Тот юноша, которого задирали Вэй Гэ, был учеником Нин Цзи. Хотя Се Юйцин не был знаком с ним лично, он мог догадаться: этот человек никогда не позволил бы обижать тех, кто находится рядом с ним.

Взгляд Се Юйцина был мягким, а У Ган, напротив, чувствовал огромное удовлетворение, и его симпатия к Нин Цзи заметно возросла.

Впрочем, Вэй Гэ все же удалось сохранить ноги. В коридоре стояла такая гнетущая тишина, что никто не смел проронить ни слова. Когда заносчивый юноша потерял сознание, Нин Цзи нахмурился и протянул склонившемуся Вэй Чжюню флакон с духовными пилюлями.

— Считайте это компенсацией.

Увидев, что Достопочтенный пощадил его непутевого сына, Вэй Чжиюнь уже вздохнул с облегчением. Куда уж ему было просить компенсацию? Увидев флакон, он широко раскрыл глаза.

— Достопочтенный, это... это невозможно принять! — Вэй Чжиюнь дрожал всем телом.

Кто в Девяти Провинциях не знал, что Нин Цзи, Достопочтенный Меча, до достижения стадии Зарождающейся Души в одиночку исследовал множество неизведанных тайных земель? Пилюли из тех мест были бесценны. И теперь Достопочтенный дарит их ему... Вэй Чжиюнь нервничал.

Человек, чье лицо скрывала призрачная маска, не выказывал никаких эмоций. Увидев, что тот не берет дар, он холодно произнес:

— Эта компенсация для вас. Те две особи Народа акул...

Он осекся на полуслове. Вэй Чжиюнь понял всё. Оказалось, что Достопочтенный положил глаз на тех двух акул. В душе у него всё смешалось, но, видя равнодушный вид Достопочтенного Меча, он вынужден был взять флакон:

— Благодарю вас, Достопочтенный!

Нин Цзи поджал губы, видя его испуг, и всё же добавил:

— То, что случилось сегодня — личная инициатива Вэй Гэ. Я не стану винить остальных.

Услышав эти слова, Вэй Чжиюнь поднял голову, и на душе у него наконец отлегло. Он с благодарностью произнес:

— Позвольте мне проводить вас.

Вэй Гэ, лежавший без чувств на полу, ничего не знал. Когда Достопочтенный Меча ушел, Вэй Чжиюнь вернулся и со злостью пнул его пару раз.

— Недостойный сын! Если еще раз попадешь в такую историю, хоть тебя на куски режь, я и пальцем не пошевелю, чтобы спасти!

Видя, что глава семьи в ярости, управляющий поспешно опустил голову, не смея проронить ни звука.

А Нин Цзи ничего не знал о действиях Вэй Чжиюня. Выйдя из Павильона Сокровищ, он тихо кашлянул. Когда они пришли, было еще светло, а теперь наступила ночь, и с улицы дул холодный ветер. Его губы еще сильнее побледнели. К сожалению, яйцо священного журавля перестало излучать тепло, и его пришлось убрать в Мешочек Вселенной. Пальцы Нин Цзи замерли, он почувствовал легкое разочарование.

Едва эта мысль возникла у него в голове, как он услышал голос:

— Наставник.

Чу Цзиньсяо внезапно заговорил. Нин Цзи обернулся и увидел, что тот протягивает ему небольшой камень. Не понимая смысла, он взял его в руки. От камня исходил поток тепла, словно внутри него циркулировала духовная энергия.

Чу Цзиньсяо, заметив, что Наставнику стало лучше, произнес:

— Наставник, в этом Камне накопления энергии есть моя духовная сила, с ней будет теплее, чем с обычной вещью.

В его глазах промелькнуло смущение, и, встретившись с Нин Цзи взглядом, он поспешно отвел глаза.

В мире совершенствующихся Камни накопления энергии были бесполезны — это была пустая трата сил, помогавшая лишь тем, кто находился на стадии Очищения Ци и не мог самостоятельно собирать энергию. Обычно старшие, не жалея себя, наполняли их своей силой, чтобы помогать ученикам в начале пути. Нин Цзи не ожидал, что Чу Цзиньсяо будет использовать такую вещь. Сначала он не придавал значения, но, осознав, удивился. Он нахмурился, повернулся и увидел смущенное лицо ученика. Поняв, что тот подготовил это заранее, он поджал губы:

— Благодарю.

Чу Цзиньсяо покачал головой:

— Наставнику не стоит быть со мной столь вежливым.

После минутного замешательства он снова стал собой, лишь крепче сжал рукоять меча. Если бы Нин Цзи присмотрелся, он бы заметил, что кончики ушей у юноши слегка покраснели.

После слов благодарности он отвел взгляд. Ночной Юньчжоу был полон жизни, отовсюду доносился шум толпы. Нин Цзи давно не видел подобной суеты, и его брови расслабились. Он задержал взгляд на торговых лавках. Чу Цзиньсяо, не сводивший глаз с Наставника, заметил его интерес и спросил:

— Наставник, вы прежде не бывали здесь?

Нин Цзи покачал головой:

— Бывал, но никогда не видел здесь такого оживления.

Он всегда ходил в одиночку, дела в Юньчжоу решал на бегу и никогда не останавливался. Лишь в последние годы, когда пришла болезнь, у него появилось время, но и тогда он оказался здесь впервые.

Услышав это, Чу Цзиньсяо остановился и вдруг предложил:

— Может, останемся сегодня в Юньчжоу, а завтра вернемся?

Он сам удивился своим словам. Он лишь заметил, что Наставник смотрит по сторонам с оттенком грусти, и сердце его сжалось — слова вырвались сами собой. Осознав, что сказал лишнее, он прикусил губу и попытался исправить:

— Прошу прощения, я сказал лишнее, Наставник...

Нин Цзи, который до этого смотрел в сторону, пришел в себя.

Почему этот главный герой ведет себя со мной так осторожно?

Он слегка нахмурился и прервал его:

— Пойдем.

Чу Цзиньсяо не успел среагировать, как услышал спокойный голос наставника:

— В будущем, когда общаешься со мной, не нужно быть таким осторожным. Веди себя как обычный ученик. Разве ты не хотел осмотреть город? Пойдем.

Голос его звучал ровно. Чу Цзиньсяо замер, а затем его глаза ярко блеснули. Он улыбнулся:

— Слушаюсь, Наставник.

Он был наделен светлой и благородной внешностью, и когда он улыбался, казалось, что даже ночь вокруг стала светлее. Многие прохожие засматривались на Чу Цзиньсяо, но, заметив рядом Нин Цзи, вынуждены были отводить глаза.

Его осторожность перед Наставником была вызвана любовью. В душе Чу Цзиньсяо было немного досадно, но вместе с тем — радостно. Наставник впервые... заметил его чувства. Он сжал кулаки, и в его глазах промелькнула нежность.

Тем временем Се Юйцин держал в руках маску. Слушая рассказ торговца о ее происхождении, он о чем-то задумался.

— Эй, хозяин, мы снова встретились! — У Ган, охранявший его покой, случайно обвел взглядом толпу и не ожидал увидеть двух неожиданных людей.

Се Юйцин расплатился за маску и обернулся. Он увидел Бессмертного Достопочтенного Нин Цзи и изящного юношу, стоявших на рынке. Юноша, похоже, выбирал какую-то вещь, а Нин Цзи тихо ждал его в стороне. У Ган, увидев их, сначала подумал, что ему показалось. Как Достопочтенный Меча Нин Цзи мог оказаться здесь? Такого человека сложно было представить в гуще рыночной суеты.

Се Юйцин на мгновение удивился, но быстро пришел в себя. У Ган почесал затылок:

— Я думал, Достопочтенный Меча сразу уйдет, как только получит свое, а он, оказывается, решил прогуляться по ночному рынку с учеником.

Нин Цзи производил впечатление человека, не знающего земных забот. Если юноша рядом с ним был похож на благородного красавца из знатного рода, то Нин Цзи казался холодным, как вершина ледяной горы, к которой невозможно прикоснуться. Было удивительно видеть такого человека в центре мирской суеты. Он тихо стоял под деревом, ожидая, пока его маленький красавец сделает покупки, и, казалось, не выказывал ни капли нетерпения. У Ган не мог скрыть своего изумления.

Они стояли на некотором расстоянии. Се Юйцин смотрел на них сквозь толпу, выделяя одинокую, ледяную фигуру в белом. Нин Цзи, словно почувствовав чей-то взгляд, обернулся и встретился глазами с человеком в маске. Сквозь толпу он видел лишь синие одежды и слегка растрепанные белые волосы. На лице незнакомца была такая же маска водного духа, как и у него самого.

Нин Цзи нахмурился. Их взгляды встретились. Незнакомец улыбнулся, кивнул и отвел глаза.

— Наставник, вы на что-то смотрите? — голос рядом прервал его мысли.

Нин Цзи обернулся и увидел вернувшегося Чу Цзиньсяо с пакетом засахаренных фруктов. Это были те же маринованные сливы, что и в прошлый раз.

— Я слышал от слуги, что Наставнику прошлые показались слишком кислыми. Эти сладкие, не хотите попробовать?

Голос его звучал чисто. В его глазах, отражавших свет фонарей, словно танцевали звезды. Нин Цзи помедлил, посмотрел на зеленые сливы в медовой глазури, взглянул на Чу Цзиньсяо и всё же взял одну.

— Ну как, Наставник? — спросил Чу Цзиньсяо.

На вкус они действительно оказались лучше. Кислинка сливы была скрыта под слоем медовой пасты, напоминающей... цветы османтуса. Брови Нин Цзи расслабились. Помолчав, он опустил взгляд:

— Можно купить таких побольше.

В этот момент над городом расцвели фейерверки, а река наполнилась плывущими фонарями. После громкого залпа небо озарилось вспышками света. Нин Цзи поднял голову. Он смотрел на падающие искры. Когда свет отразился в воде, уголки его губ под маской невольно дрогнули в улыбке. Вода искрилась, а свет фейерверков озарил половину его лица. Под призрачной маской на мгновение растаял лед — словно первый весенний рассвет после долгой зимы.

Хотя это длилось лишь миг, Чу Цзиньсяо замер, пораженный. Эту сцену видел не только он — окружающие тоже застыли, глядя на них. Фейерверк догорал, и Нин Цзи отвел взгляд:

— Пойдем.

<http://bllate.org/book/19881/1957155>